

Поль так и не дождался ни клыков, ни когтей, которых ожидал.

Те создания — чудовища или невесть что еще, порожденное этой бездной, — остановились в семи шагах от него.

Они кружили, бесновались, издавая глухое шипение, но ни одно из них не посмело приблизиться к нему и на полшага.

Боль в ноге Поля в этот миг полностью утихла, он лишь почти оцепенело смотрел на них.

А затем появился этот силуэт.

Один-единственный мужчина стоял за внешней границей кольца, окруженный чудовищами, словно он всегда находился там, и лишь теперь свет соизволил явить его миру.

Черные волосы.

Лицо выходца с Востока.

Кожа — неестественной, не видевшей солнца бледности.

Он был облачен в черные одежды, совершенно неуместные в этой бездне, но самым удивительным были его глаза — сущие расплавленное золото.

Мужчина сперва бегло окинул взглядом беснующихся, но не смеющих приблизиться чудовищ, а затем перевел взгляд на Поля.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Поль, разумеется, понял эти слова — это был чистейший нибелунгский язык. Однако в интонациях проскальзывал странный ритм, напоминавший то, как младенец впервые учится человеческой речи, неуклюжий и отчего-то чужеродный.

Сердце Поля на мгновение замерло.

Демон, это демон.

Те самые жуткие легенды, что рассказывали матери о семидесяти двух демонических владыках из армий Александра Великого, — они оказались правдой.

Эта бледная кожа, эти глаза — расплавленное золото, эта способность заставлять свирепых тварей склонять головы не оставляли никаких иных сомнений.

— Нет... не надо!

Поль считал себя храбрым человеком, но сейчас он слышал собственный голос — надломленный и дрожащий. Забыв о дикой боли в ноге, он отчаянно заерзал, пытаясь рухнуть ниц.

— Великий господин... господин демон... умоляю! Умоляю, проявите милосердие! Я вторгся в ваши владения, оскорбил вас, я заслуживаю смертной казни! Делайте со мной что угодно, но умоляю, умоляю, не трогайте моих жену и детей! Они ни в чем не виноваты! Они ничего не знают! Умоляю вас!

Черноволосый мужчина склонил голову набок.

Он не выказал гнева, напротив — вид у него был такой, будто он услышал что-то занятное.

— Почему ты не просишь пощадить тебя самого?

Поль замер.

Его лоб все еще прижимался к земле, но он продолжал говорить, и собственный голос глухо доносился до него из-под камней:

— Моя... моя жизнь ничего не стоит. Раб-хворостинка, забравшийся туда, куда не следовало, пойманный вами — со мной можно поступить как угодно. Но моя семья... они — весь смысл моей жизни. Они не совершили ни единой ошибки, они не должны отвечать за мои поступки.

Гидодора молчал.

Его расплавленно-золотые глаза сквозь дрожащую спину Поля видели вовсе не храбрость и не мудрость, а нечто сродни инстинктивному упрямству — тупик отчаяния ради тех, кого любишь.

В его бесконечно долгих воспоминаниях это было чем-то одновременно чуждым и поразительно ярким.

Но в то же время в его разуме шептал другой голос: всего лишь барахтанье ничтожных букашек, к чему обращать внимание.

Он подавил этот голос.

Обыкновенная человеческая душа по воле какого-то случая вытеснила сознание древнего злого дракона.

Однако дракон пал, но не сгинул: воля его рассеялась, а вот остатки бывшего — те отложившиеся за millenniaлы равнодушие, высокомерие и пренебрежение к жизни — словно вросшая в кости скверна, день и ночь точили остатки тепла в его груди.

Он все меньше походил на человека. Или, вернее, все больше становился тем, кем и должна была быть эта плоть.

Ему отчаянно требовался кто-то.

Тот, кто умеет говорить, бояться, жаждать, любить.

Не для трапезы и не для услужения, а просто — говорить. Он хотел напомнить себе, что некогда тоже был человеком.

— Останься. Будешь со мной разговаривать.

Поль резко вскинул голову.

— Вы... вы что сказали?

— Я сказал: останься. Поговори со мной. Отныне ты останешься рядом со мной. Мне нужно... чтобы кто-то говорил.

— Ос... остаться?

Поль окончательно потерял дар речи.

Это выходило за рамки понимания даже больше, чем если бы его просто убили.

Демону нужен собеседник?

Губы Поля задрожали:

— А... а как же моя жена... мои дети?

— Они могут жить, если ты останешься.

Поль понял.

Это была не сделка. Это был приговор.

Поль мог жить, его семья могла жить, но цена за это — он сам, навеки заточенный в этой мрачной подземке, рядом с нечеловеческим существом.

Должен ли Поль торговаться? Молить о пощаде? Заливаться слезами?

Он не знал.

Полю было лишь холодно, но мгновение спустя он снова услышал собственный пересохший голос:

— Я... я остаюсь.

Гидодора кивнул, после чего перевел взгляд в темную глубь прохода, где скрылась экспедиция.

— Те, кто бросил тебя, — хочешь, я с ними разберусь?

Поль не колеблется.

— Да.

Этот короткий и твердый ответ заставил мелькнуть в глазах Гидодоры искреннее любопытство.

— А я уж думал, ты станешь строить из себя благородного и заявишь, что прощаешь их, или пускай, мол, сами разбираются со своей судьбой.

Поль покачал головой, и на его лице проступило выражение почти оцепенелой безмятежности.

— Если бы дело касалось только меня... грош цена моей никчемной жизни, плевать. Но у меня есть жена, сын и дочь. Они... они еще живы и ждут меня. А те люди — жестокие мерзавцы, ради сокровищ готовые на что угодно. Если они выберутся отсюда живыми... они пощады моей семье не оставят. Я не могу так рисковать.

Гидодора молча слушал.

Наконец он тихо произнес:

— Неужели этот мир стал настолько... жестоким?

Слова эти звучали так, будто он спрашивал не Поля, а самого себя.

Однако развивать мысль он не стал, лишь развернулся и зашагал в ту сторону, куда ушла экспедиция.

Стоявшие вокруг чудовища — Плавленные Призраки, Гигантские Черви и несколько куда более причудливых, искаженных теней — тут же пришли в движение.

Они не стали бережно подхватывать Поля; напротив — когтями, щупальцами и неким обжигающим, но не причиняющим вреда плоти энергетическим полем, грубым, но на редкость эффективным способом они подхватили сломавшего ногу Поля и, окружив его плотным кольцом, молча двинулись следом за Гидодорой.

Поль закрыл глаза, смирившись с тряской, с близостью чудовищ и с их липким ощущением.

В голове у отца билась лишь одна упрямая мысль:

Пока я остаюсь жив, они тоже будут жить.

Тоннель петлял, уходя все ниже, а температура вокруг неуклонно росла.

Воздух густел от запаха серы, с которым смешивался едва уловимый смрад тления.

Следы на каменных стенах становились все отчетливее — эти гладкие, подчиненные какому-то ритму борозды теперь казались Полю... следами от трения гигантской чешуи какого-то чудовищного создания.

Шли они недолго.

Впереди слышались ожесточенный звон клинков и восторженное визгливое шипение монстров. Стоило миновать огромный, усыпанный друзами кристаллов поворот, как перед ними во всей красе предстала открывшаяся картина.

Это был край просторной лавовой пещеры, внизу которой неспешно текла багровая река раскаленной магмы.

Из дюжины членов Бригады Пепла в живых оставалось всего трое, и те из последних сил цеплялись за жизнь.

Шрамолицый мужчина прислонился к валуну, зажимая кровоточащую культю на месте оторванной руки, и тяжело дышал. Тот самый лучник, что недавно хвалил Поля, с переломленным луком отчаянно и неумело отбивался коротким мечом от наседавшего Гигантского Червя, а один из выходцев из Поси, с ног до головы покрытый ранами, оказался прижат двумя Плавленными Призраками в угол.

Они явно прошли через кромешный ад, и воздух был насквозь пропитан тяжелым запахом крови и гари.

И когда силуэт Гидодоры бесшумно вырос перед ними в окружении чудовищ, все трое разом замерли.

А мгновение спустя они увидели Поля, которого несли монстры.

— Это... это ты, проклятый раб!

Шрамолицый мужчина по имени Харл прижал ладонь к культю, его глаза налились кровью и едва не вылезали из орбит.

— Каких ты чудищ сюда привел?! Проклятая тварь!

— Демон! Ты заключил сделку с демоном!

В глазах выходца из Поси плевался дикий ужас, после чего из его рта потоком хлынула грязная ругань.

Гидодора остался глух к их оскорблениям.

Он лишь протянул палец и небрежно указал на того мужчину с тяжелым топором, что орал громче всех.

Ругань выходца из Поси оборвалась на полуслове.

Он сам, вместе со своим тяжелым топором, кожаными доспехами и застывшей на лице злобной гримасой, в одно мгновение превратился из плотного в призрачное, из призрачного — в сияющее, а из сияющего — в развеянную серым пеплом пыль, осыпавшуюся на землю.

В огромной пещере воцарилась мертвая тишина.

Краски мгновенно отхлынули с лиц Шрамолицого и лучника.

Проклятия и брань застряли у них в горле, сменившись неукротимой дрожью.

Они смотрели на горстку пепла, а затем на расплавленно-золотые, подобные божественным очам глаза Гидодоры — и последние барьеры их рассудка окончательно рухнули.

— Плюх!

— Плюх!

Оба мужчины рухнули на колени почти синхронно и, не обращая внимания на лужи крови и обломки камней, безумно забили поклоны в сторону Гидодоры:

— Великое создание! Помилуй! Пощади нас!

— Мы были неправы! Мы больше никогда не посмеем! Во всем виноват этот раб... нет, этот господин! Нас попутал бес!

— Нам не нужны сокровища! Мы отдадим тебе всё! Только пощади нас! Мы готовы сделать для тебя что угодно!

— Умоляем! У нас дома тоже старики и дети!

Поль отвернулся.

Ему не хотелось больше смотреть на этих захлебывающихся слезами, потерявших всякое человеческое облик людей.

В сердце Поля не было ликования — лишь глухая пустота. Он ведь тоже стоял на коленях и вымаливал пощаду, он тоже униженно просил о жизни... но Поль знал и другое: когда человек встает на колени, что-то внутри него обрывается навсегда.

Гидодора даже не удостоил тех двоих повторным взглядом.

Повернув голову к нетерпеливо переминающимся чудовищам, он произнес:

— Ешьте.

Давно потерявшие терпение монстры черной лавиной ринулись вперед! Короткие крики ужаса и предсмертные вопли оборвались почти мгновенно, сменившись звуками чавканья, раздираемой плоти и поглощения.

Когда чудовища, облизывая пасти, с неохотой отступили обратно в тени, на земле осталась лишь огромная лужа крови, выпаренная жаром.

Только тогда Гидодора повернулся и вновь посмотрел на зажмурившегося Поля.

— Всё. Шумные букашки убраны. А теперь мы можем спокойно поговорить. Начни с себя.

Поль открыл глаза и поглядел на это нечеловеческое существо.

Он вспомнил жену, сына, дочь. Но эти образы казались такими далекими, словно всё это происходило в прошлой жизни.

— ...Хорошо.

— Я расскажу.

Позади Поля в тених по-прежнему притаились чудовища, выжидая своего часа, а неподалеку мерно катила свои воды оранжево-красная река магмы.

И когда знойный ветер пронесся по пещере, принося с собой тяжелый дух серы и смерти, в этой сокрытой от солнца подземной глуши — божество и раб готовились начать свой самый первый разговор.

<http://bllate.org/book/19072/1873292>